

Библиотека
журналиста

Возвращенная публицистика

Книга 1
(1900—1917)

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1991

Два Копии
№ 2010-811/2

мократическое «подполье» сумело произнести «магические слова, открывшие перед ним образ будущего»; оно вывело трудящуюся массу из ее вековой спячки; оно разбудило классовое сознание пролетариата, и если — чтобы употребить здесь пророческое выражение Петра Алексеева⁴, — мускулистая рука рабочего нанесла уже не один страшный удар существующему у нас порядку вещей, то и это нужно в значительной степени записать в актив того же «подполья». Ведь недаром же рабочие чуть не при каждом своем столкновении с предпринимателями старались войти в сношения с «подпольными» деятелями. И недаром даже крестьяне, собираясь воевать с помещиками, разыскивали революционных «орателей» (т. е. ораторов).

Гегель говорит на своем языке идеалиста, что всемирный дух в своем историческом движении часто опускается под землю (вот оно историческое «подполье» всемирного духа!), где совершает мелкую и незаметную работу, результаты которой бывают, однако, колоссальные. И при виде этих результатов можно крикнуть всемирному духу, как крикнул Гамлет тени своего отца: «Крот! ты хорошо роешь!» Поймите же вы, наконец, господа хорошие, что наш подпольный человек тоже заслуживает, чтобы мы ему громко крикнули: «Крот! ты хорошо роешь!»

По русской пословице, суженого конем не объедешь. При современных условиях нашей практической деятельности «подполья» конем не объедет ни один социал-демократ, не желающий увязнуть в трясине самого гнилого оппортунизма.

Да здравствует наш «подпольный крот»! Да растут и крепнут наши «подпольные» организации! Докажем, что ошибаются господа Гучковы⁵, злорадно возвещающие в Государственной Думе «о том внутреннем разложении, которое охватило наши революционные партии»!

Плеханов Г. В. Соч. М., 1927. Т. 19. С. 129—136.

НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ

I

Говоря: «наше положение», я хочу сказать: «положение Российской Социал-Демократической Партии». По-

ложение это теперь не из самых завидных. Мы сделали бы себя смешными в глазах всех рассудительных людей, если бы вздумали отрицать это, если бы захотели доказать, что у нас все обстоит благополучно. Нет, надо говорить правду: наша партия очень далека от благополучия. В этом согласны между собой все — не только нынешние, но и бывшие — ее члены. Горячие разногласия возникают в их среде только тогда, когда речь заходит о том, как же нам выйти из неблагоприятного положения и, по возможности, приблизиться к благополучию. Что нам нужно прежде всего?

Посмотрим, чем вызывается неудовлетворительное положение нашей партии.

Многими причинами. Я должен был бы написать целую брошюру, если бы захотел заняться подробным их рассмотрением. Но этого и не нужно. Для моей цели достаточно ознакомиться с некоторыми из них.

И прежде всего я обращаюсь к господствующей реакции. Реакция эта, несомненно, плохо отзывается на положении нашей партии. Но есть реакция и реакция. Во времена позорной памяти Плеве¹ мы тоже немало страдали от реакции. Однако тогда наши силы увеличивались, наши средства умножались, наша организация росла и крепла, наши надежды на близкую победу упрочивались с каждым днем. Теперь не то. Теперь наша организация расшатана, наши силы ослабели, приток средств уменьшился, и некоторые из нас стали думать, что нашей партии вообще не суждена победа. Дело дошло до того, что иные доброжелатели ее, — например, гг. Изгоев², Потресов и им подобные, — прямо отрицают ее существование, как организованного целого.

Откуда же эта разница? Отчего же в эпоху Плеве реакция, стремясь ослабить наши силы, только увеличивала их, между тем как теперь ей в самом деле удалось поставить нас в затруднительное положение?

Оттого, что в эпоху Плеве она проникала собою одни только «правлящие сферы», а теперь ее влиянию подчинилось, можно сказать, все население нашей страны, и между прочим, и пролетариат.

Возьмем пример. Наши профессиональные союзы живут теперь тоже не совсем благополучно. Их силы тоже слабеют; их кассы тоже пустеют; их надежды тоже падают. И это не только потому, что их всеми мерами ду-

шит «конституционное» правительство П. Столыпина³. Правительство правительством, а очень многое зависит здесь от теперешнего настроения нашего рабочего класса, т. е. от той общей усталости, от того упадка энергии, от того равнодушия к своему собственному делу, на которые так горько жалуются теперь все знатоки нашего профессионального движения.

Другим примером могут служить наши рабочие потребительные товарищества. Они тоже далеки от процветания, и тоже не только потому, что их не любит полиция.

Влияние реакции распространилось теперь на все население нашей страны. Иначе и быть не могло после того, что было пережито им в 1905—1907 гг. В истории всегда так бывает: периоды *акции* сменяются периодами *реакции*; периоды *подъема* общественного настроения — периодами его *упадка*. Охваченные упадочным настроением, даже сознательные рабочие не проявляют теперь и десятой доли той энергии, которая была свойственна им не далее как несколько лет тому назад. Если бы наш пролетариат был настроен иначе, то он с несравненно большей легкостью обходил бы расставленные на его пути полицейские законы и рогатки.

Сказанного достаточно для того, чтобы объяснить в общих чертах неудовлетворительное состояние нашей партии, т. е. *политической* организации российского пролетариата. Если наше нынешнее положение характеризуется словом *неблагополучно*, то ясно, что оно станет благополучным только тогда, когда отойдет в область печальных воспоминаний упадочное настроение, овладевшее теперь нашим пролетариатом.

Когда это будет? Мы не знаем и знать не можем. Но мы знаем и не можем не знать, что это непременно будет. Мало того. Есть некоторые серьезные основания думать, что наше общественное настроение, — а прежде всего настроение нашего пролетариата, наиболее интересное для нас, социал-демократов, — уже начинает изменяться к лучшему. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что мы уже миновали самую низшую точку того упадка, который нам суждено было пережить, и теперь опять, — правда, еще очень медленно, — поднимаемся вверх. Если продолжится замечаемое теперь экономическое оживление, то настроение рабочего класса станет подниматься более бы-

стро. Продолжительный экономический застой очень сильно способствовал упадку этого настроения*.

Как бы то ни было, а несомненно то, что не от нас зависит устранить указанную мною общую причину неудовлетворительного состояния нашей партии: мы не можем ускорить и упрочить экономическое оживление; мы не обладаем таким талисманом, который позволил бы нам прогнать усталость, овладевшую нашим пролетариатом после бурных событий 1905—1907 гг. Тут нам остается лишь понять причинную связь явлений и, опираясь на ее понимание, не поддаваться унынию, так легко распространяющему свое вредное влияние в рядах политических деятелей в мрачные периоды упадка общественного настроения. Мы недаром называем себя марксистами, недаром держимся точки зрения научного социализма. *Материалистический взгляд* на общественную жизнь должен застраховать нас *от идеалистического «разочарования»*.

II

Но пока мы остаемся в партии, мы принимаем более или менее деятельное участие в ее жизни, а поскольку мы принимаем участие в ее жизни, постольку мы имеем возможность вести борьбу с вредными для нее *последствиями* переживаемого нами общественного упадка. Поэтому здесь наше *теоретическое понимание* должно быть дополнено *практическим действием*.

Между названными последствиями самым вредным является так называемое *ликвидаторство*. Против него и обязаны мы направить свои первые и главные усилия. Борьба с «ликвидаторством» означает борьбу за существование нашей партии. А какая же партия, какая организация не стремится, не должна стремиться отстоять свое существование?

Люди, не расположенные к борьбе с «ликвидаторством», нередко говорят: «да вы сначала определите, что такое ликвидаторство, а потом уже и боритесь с ним». Это напоминает известную басню Хемницера⁴ «Метафи-

* Его подъему сильно поможет и то, что западноевропейский пролетариат переживает теперь не период упадка, а период сильного подъема. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на Германию, и преимущественно на Пруссию.

зик». Человек очутился в яме, и когда его отец подает ему веревку, чтоб вытащить его оттуда, он спорит:

Нет, погоди тащить; скажи мне наперед,
Веревка вещь какая?

Отец возражает, что у него нет времени на подобные рассуждения, но метафизик не унимается. Он спрашивает:

А время что?

Тогда выведенный из терпения отец оставляет его на произвол судьбы:

А время вещь такая,
Которую с глупцом не стану я терять.
Сиди — сказал отец — пока приду опять.

Люди, ставящие вопрос о том, что такое ликвидатор, не похожи на метафизика в том смысле, что они пускаются в неуместные рассуждения не по недостатку ума, а по недостатку доброй воли. Но рассуждения их все-таки остаются неуместными, и мы сделали бы огромную ошибку, если бы позволили задержать нас ими. Мы не можем даже последовать примеру отца, оставившего своего великомудрого сына сидеть в яме. Сидя в ней, этот последний вредил *только самому себе*, а наши ликвидаторы вредят не себе, а *социал-демократической партии*. Поэтому мы не можем ограничиться презрительным отказом от неуместных рассуждений о сущности ликвидаторства. Мы обязаны дополнить свой презрительный отказ *энергичной борьбой* с ликвидаторами.

Разумеется, можно сказать, — язык-то ведь без костей, — что надо же нам знать, с кем именно мы должны бороться. Но это и есть софистика.

Если бы метафизик не знал, какие именно представления связываются у людей со словами «*веревка*» и «*время*», то его вопросы совсем не были бы неуместны. Они были неуместны именно потому, что он надоедал ими отцу, *несмотря на то, что у него были вполне достаточные, по своей определенности, представления и о времени, и о веревке*. Точно так же и люди, упорно вопрошающие нас: «А что такое ликвидатор?» — *достаточно осведомлены, о чем идет речь у врагов ликвидаторства*. И если не перестают вопрошать, то единственно потому, что они совсем не расположены поддерживать направленные против ликвидаторов действия.

С чисто литературной точки зрения слова «ликвидатор»

тор», «ликвидаторство» представляются такими же неудачными и некрасивыми, как и все «хвостизмы», «отзовизмы», «ультиматизмы», «голосизмы», «рабочедельства» и прочие неуклюжие выражения, в таком изобилии уснащающие наш партийный жаргон. Это неоспоримо. Тем не менее нужно быть совершенным новичком в нашей партийной жизни, чтобы не знать, кого называют у нас ликвидаторами. Да и новички очень скоро и очень хорошо разбираются в этом весьма простом вопросе*.

Вполне ясно, что *ликвидатором* должен быть признан тот, кто *ликвидирует* или, по крайней мере, *стремится к ликвидации*. Не менее ясно и то, что человек, оказавший ликвидатору ту или другую, более или менее деятельную, поддержку, тоже может быть назван, в известном смысле, *ликвидатором*. Наконец, нет необходимости быть Соломоном⁵ премудрым для того, чтобы догадаться, что «*ликвидация*» и *упразднение, уничтожение, сведение на нет* — в конце концов одно и то же. Все знают, что значит свести на нет, упразднить, уничтожить. Распространяться об этом бесполезно, но, когда заходит речь о ликвидаторах и ликвидации, полезно и даже необходимо *столковаться насчет того, что собственно ликвидируют или собираются ликвидировать*.

Когда я говорю, что в настоящее время вы обязаны направить свои первые и главные усилия на борьбу с ликвидаторами, я имею в виду совершенно определенный разряд ликвидаторов: тех — и только тех, — которые хотят *ликвидировать нашу партию*. Никакие другие ликвидаторы меня не интересуют и, полагаю, никогда интересоваться не будут.

III

Замечательно, что люди, пристающие к нам с неуместным вопросом: «*А ликвидатор вещь какая?*» — всегда забывают спросить: «*О ликвидации чего собственно идет дело?*» Отнюдь не желая читать в сердцах этих людей,

* Как это видно из брошюры Череванина «Лондонский съезд РСДРП 1907 г.», слово *ликвидаторство* употреблялось в среде меньшевиков уже в 1907 г. Но тогда никто не спрашивал, что оно значит: все понимали его и без объяснения. А теперь перестали понимать. Почему? Потому что *ликвидаторство значительно усилилось у нас со времени нашего Лондонского съезда*.

я не могу, однако, не видеть, что такая забывчивость очень полезна для наших ликвидаторов. Она помогает им увертываться от тех, от кого им надо увернуться.

Мне часто приходилось выслушивать такое возражение: «Я не ликвидатор, так как, хотя я и не признаю существования той социал-демократической партии, с которой мы имели дело до сих пор, но я не отрицаю того, что российскому пролетариату нужна социал-демократическая партия».

Это опять софизм. Можно быть ликвидатором по отношению к одной организации, совсем не будучи таковым по отношению к другой. Человек, ликвидирующий дела данной торговой или промышленной компании, — выражение «ликвидация» заимствовано именно из торгово-промышленного словаря, — конечно, еще не становится от этого ликвидатором вообще, ликвидатором всех компаний, существующих теперь или имеющих возникнуть в будущем. Подобно этому, и человек, стремящийся ликвидировать нынешнюю нашу социал-демократическую партию, еще не становится от этого ликвидатором всех вообще социал-демократических партий настоящего и будущего времени. Однако это ни на волос не изменяет его отношения к той партии, к которой мы имеем честь принадлежать: к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Ведь по отношению к ней-то он все-таки — ликвидатор. И этого достаточно для того, чтобы против него ополчились все, кому дорого ее существование. Повторяю, какая партия, какая организация не восстанет, не должна восставать против людей, пытающихся ее уничтожить?

В нашей партии далеко не все обстоит благополучно. Это так. Мы должны устранить недостатки ее организации, исправить ее тактические ошибки. Этого также никто не оспаривает. Но одно дело устранять недостатки и исправлять ошибки, а иное дело ликвидировать. Кто ликвидирует, тот не исправляет, а уничтожает. А так как мы не можем желать уничтожения своей собственной партии, то мы не можем не бороться с ликвидаторами.

Мир внутри партии прекрасное дело. Но есть пределы и для миролюбия. За этими пределами миролюбие становится вредным для партии и потому достойным осуждения. Если вы хотите *жить*, то вам нельзя оставаться в мире человеком, поставившим себе целью

убить вас. И точно так же, если вы хотите, чтобы ваша партия продолжала существовать, вы не можете мириться с людьми, желающими ее ликвидировать. Тут надо выбрать одно из двух: *или* приверженность к партии, *или* мир с ликвидаторами. *Третьего тут быть не может.*

Говорят: события 1905—1907 гг. сделали то, что мы уже не можем вернуться в подполье. Это теперь едва ли не главный довод ликвидаторов. Но события 1905—1907 гг. пока еще не дали нам возможности выступить в качестве *открытой политической партии*. А пока у нас нет этой возможности, мы *вынуждены* идти в «подполье», если... *если мы не хотим ликвидировать себя, как политических деятелей социал-демократического образа мыслей.*

Маркс прекрасно понимал великое воспитательное значение открытого существования рабочих организаций вообще и политической организации сознательного пролетариата в частности. Но, гениальный диалектик, он никогда не забывает, что все зависит от обстоятельств, времени и места. После поражения революции 1848—1849 гг. он писал, что перед пролетарской партией европейского материка остался только один путь— *«путь тайного объединения»* (подчеркнуто мною), т. е. *путь в подполье.*

Удивительно, как это наши ликвидаторы до сих пор не заклеили Маркса презрительной — *по их мнению*— кличкой «певца подполья!»

В Италии на последнем, только что состоявшемся съезде социалистической партии самый выдающийся лидер местных оппортунистов, Л. Биссоляти⁶, заявил, что *социалистическая* партия, эта, как он выразился, засохшая ветка, должна перестать существовать и уступить свое место *рабочей* партии, которая должна составиться из широких рабочих организаций (главным образом профессиональных союзов). Биссоляти, как видите, тоже ликвидатор. Что же? Неужели и он сделался ликвидатором под влиянием «новых условий» созданных российскими событиями 1905—1907 гг.? Конечно же — нет! Дело тут совсем не в «новых условиях», а в *старой природе* оппортунизма. Оппортунизм — враг всяких широких обобщений. А так как социализм есть, несомненно, самое широкое и самое смелое обобщение нашего времени, то к партии, написавшей его на своем знамени,

они рады повернуться спиной везде, где находят подходящий для этого повод. А «новые условия, это — «одна словесность». Бернштейн отказывался от «конечной цели» тоже не под влиянием «новых условий».

В высшей степени достойно замечания то обстоятельство, что в эпоху возникновения нынешней социалистической партии в Италии существовал свой «экономизм», который и воскресает теперь в лице Л. Биссоляти, как наш старый «экономизм» воскресает теперь в лице С. Новичей, Ежовых, Левицких и Мартовых с братией.

IV

Не так давно мне пришлось вести довольно горячий спор с одним товарищем, который, будучи во многом согласен с ликвидаторами, еще не решился перейти целиком на их сторону. Этот товарищ напирал преимущественно на то, что «блок» противников ликвидаторства до сих пор ничего не дал в смысле разрешения спорных вопросов нашей тактики. Возможно, что и другие товарищи склонны выдвигать этот упрек против этого «блока». Нужно, стало быть, печатно объясниться на этот счет.

Начну с «блока». *Его нет*, а есть только то, что часть «большевиков» так же энергично отстаивает нашу партию, как и часть «меньшевиков». И тех, и других называют теперь *партийцами*. Было бы до последней степени печально, если бы у нас не оказалось «партийцев» в ту критическую минуту, когда малодушие и оппортунизм начали угрожать самому существованию нашей партии. И как нельзя более характерно то, что это естественное и отрадное сближение большевиков с меньшевиками для защиты партии вызывает так много недоразумений.

В нем видят плод каких-то тайных махинаций и секретных договоров. У нас так привыкли ко взаимной вражде фракций, что когда одна фракция говорит: «да», считается необходимым, чтобы другая возражала: «нет». И когда некоторые большевики говорят: «нельзя ликвидировать партию», тогда иным меньшевикам кажется, что политический расчет и даже политическая нравственность требует от них защиты ликвидаторов. Дальше этого нельзя идти в области фракционной ограниченности. Нашу партию в самом деле нужно было бы приз-

нать «засохшей веткой», если бы все ее члены даже на вопрос об ее существовании, — на роковой, гамлетовский вопрос *быть или не быть?* — не могли посмотреть иначе, как сквозь очки фракционных предубеждений. К счастью, это не так. Взаимное сближение большевиков-партийцев с партиями-меньшевиками, — представляющееся кружковым дипломатам каким-то злокозненным и опасным «блоком», — показывает, что «ветка» еще не засохла и что у нас еще есть люди, для которых *партийный* интерес выше *фракционного*.

Перехожу к *тактике*. Из того, что ликвидаторы с такой же энергией осуждаются частью меньшевиков, как и частью большевиков, еще не следует, разумеется, что обе эти части согласны между собой по вопросам тактики. Сказав: «не нужно ликвидаторов», я еще не сказал, каковы мои тактические взгляды. Но что же из этого? Разногласия везде возможны. Они даже необходимы. Знаменитый древний философ справедливо сказал: «Спор — отец всех вещей». Плохо не то, что у нас есть тактические разногласия, а то, что разногласия эти делают из каждой фракции особое «государство в государстве». Это страшное зло. Но против зла нет лучшего лекарства, как то взаимное сближение между большевиками и меньшевиками, о котором я говорю и в котором иные кружковые дипломаты видят чуть не заговор.

Сближение это не устраняет *действительных* тактических разногласий. Но оно будет способствовать устранению *мнимых*, выросших на почве взаимной фракционной вражды. А это уже очень хорошо, так как нет ничего вреднее мнимых разногласий. Стало быть, и с этой стороны «блок», вызвавший такую тревогу в некоторых фракционных муравейниках, только полезен для российской социал-демократии. Он представляет собой большой плюс в деле упрочения нашего партийного единства. По какому же случаю шум?

Вот почему я всеми силами отстаиваю этот, так называемый, блок. Я вижу в нем отрадное знамение времени, признак того, что наши старые фракционные перегородки, — принесшие столько вреда российской социал-демократии, — начинают падать. И по той же причине я охотно принял предложение редакции «Рабочей Газеты» писать в этом органе. Кружковые дипломаты закричат: «Плеханов перешел на сторону большевиков!» Это нисколько меня не смущает. Я признаю за собой

одно неоспоримое достоинство: глубочайшее презрение к кружковым дипломатам. Я всегда шел «вперед», совсем не примечая их судачеств. Так я поступаю и теперь. Мои тактические взгляды вполне сложились в то время, когда большевиков и меньшевиков еще не было на свете, т. е. в период возникновения группы «Освобождения Труда». С тех пор в них не происходило никаких существенных изменений. Если я иногда поддерживал большевиков, а иногда, наоборот, меньшевиков, то это происходило по той весьма простой причине, что иногда те, а иногда другие были более правы с *моей точки зрения*. Этого не понимали кружковые дипломаты, упрекавшие меня в «*неустойчивости*»; но это было неизбежно именно потому, что я устойчиво держался своих собственных взглядов, не принося их в жертву кружковым соображениям минуты. Так намерен я поступать всегда. И этим твердым намерением достаточно объясняется мое участие в «Рабочей Газете».

Читатель может быть уверен, что я сумею остаться самим собой, умея поддерживать в то же время полезные начинания как меньшевиков, так и большевиков. Впрочем, я уже сказал, что самые эти названия теперь уже устарели в весьма значительной степени.

Теперь, когда все более и более планомерные, все более и более настойчивые усилия ликвидаторов грозят разрушить нашу партию, нам следует больше помнить о том, что соединяет, а не о том, что разделяет друг от друга нас, партийцев. Довлеет дневи злоба его!

— Итак, злоба дня, это — охота на ликвидаторов? Только она приведет нас к благополучию?

— Это не совсем так. Вернее, это совсем не так. Нужно не охотиться на ликвидаторов, а мешать им охотиться на нашу партию. Этого еще недостаточно для того, чтобы вывести нас из неблагоприятного положения. Но это необходимо, как первое условие нашего движения в направлении к благополучию. Чтобы идти вперед, нужно сначала научиться отстаивать свое существование. В противном случае надо готовиться к смерти. Самозащита есть первая *обязанность* всего того, что имеет право на жизнь.

<
Плеханов Г. В. Соч. Т. 19. С. 275—284.

РСДРП. Издавалась по постановлению V (Лондонского) съезда РСДРП с февраля 1908 по январь 1917 г. Всего вышло 58 номеров. В разное время в газете участвовали Ленин, Плеханов, Каменев, Зиновьев, Мартов, Дан, Троцкий, Мархлевский, Благоев. В 1910—1911 гг. в качестве приложения к газете в Париже выходил «Дискуссионный листок».

¹ *Треповы* — русские государственные деятели: *Александр Федорович* (1862—1928), председатель Совета Министров России в 1916 г.; *Дмитрий Федорович* (1855—1906), московский обер-полицейстер, организатор вооруженного подавления революции 1905—1907 гг.; *Федор Федорович* (1812—1889), петербургский градоначальник. За жестокое обращение с политзаключенными В. И. Засулич совершила на него покушение и ранила.

² *Михайлов Михаил Ларионович* (1829—1865), поэт-переводчик. В 1861 г. за составление вместе с Н. В. Шелгуновым и распространение напечатанной за границей прокламации «К молодому поколению» был отправлен на каторгу, где и умер.

³ *Союз «Освобождение»* — нелегальное политическое объединение буржуазно-либеральной интеллигенции в России в 1904—1905 гг., группировавшееся вокруг журнала «Освобождение». В октябре 1905 г. члены Союза и земцы-конституционалисты образовали партию кадетов.

⁴ *Алексеев Петр Алексеевич* (1849—1891), один из первых русских рабочих-революционеров, ткач. В 1873 г. сблизился с народниками. На «процессе 50-ти» (1877) произнес яркую обвинительную речь. Приговорен к 10 годам каторги. Убит грабителями в Якутии, где он был ссыльнопоселенцем.

⁵ *Гучков Александр Иванович* (1862—1936), русский капиталист, лидер октябристов, один из организаторов корниловщины. Белоэмигрант.

Наше положение. Впервые опубликована в «Рабочей газете» (1910. № 1).

«Рабочая газета» — популярный орган большевиков. Издавалась в Париже с 30 октября 1910 г. по 30 июля 1912 г. Вышло 9 номеров. Пражской конференцией (январь 1912 г.) объявлена официальным органом РСДРП большевиков.

¹ *Плева Вячеслав Константинович* (1846—1904), министр внутренних дел. Убит эсером Е. С. Сазоновым.

² *Изгоев А.* — один из авторов «Вех».

³ *Столыпин Петр Аркадьевич* (1862—1911), русский государственный деятель, министр внутренних дел и председатель Совета Министров с 1906 г. Убит эсером Д. Г. Богровым.

⁴ *Хемницер Иван Иванович* (1745—1784), русский поэт-баснописец.

⁵ *Соломон*, царь Израильско-Иудейского царства в 965—928 гг. до н. э. Славился необычайной мудростью.

⁶ *Биссолати Леонида* (1857—1920), один из лидеров реформистского крыла итальянской социалистической партии. Первый редактор центрального органа партии газеты «Аванти!» («Вперед»).

К вопросу о расколе в социал-демократической фракции 4-й Государственной думы. Впервые опубликована в «Правде» (1913. 8 марта).

СОДЕРЖАНИЕ

Публицистика на перекрестках политической мысли	3
Г. В. Плеханов	19
На пороге двадцатого века	20
Карл Маркс	25
Централизм или бонапартизм?	33
В защиту «подполья»	46
Наше положение	54
К вопросу о расколе в социал-демократической фракции 4-й Государственной Думы	64
Под градом пуль. Заметка № 1	65
Заметка № 5. В. И. Засулич, ликвидаторы и раскольни- чий фанатизм	71
П. Б. Аксельрод	78
Вильгельм Либкнехт	79
Д. Н. Благоев	87
Социализм на Балканах	88
Н. И. Бухарин	96
Российская революция и ее судьбы	97
Клеветники	106
Парижская Коммуна и революционная Россия	108
Еще раз о тов. Ленине	110
К социализму	111
К. С. Еремеев	114
Строгий ошейник	115
В. И. Засулич	117
Н. А. Добролюбов	118
Г. Е. Зиновьев	127
Против течения	128
Важный документ	129
Не-герои	132
Еще о повороте Мартова	134
Война и судьбы нашего освобождения	135
Л. Б. Каменев	144
Лондонский съезд Российской с.-д. рабочей партии 1907 г.	145
Не по дороге	169
Против течения	175
Пять лет	179
На пороге революции	188
В. А. Карпинский	195
Неравенство перед смертью	196
К. Каутский	197
Славяне и революция	198
Л. Мартов	204
Новые друзья русского пролетариата	205

	Рабочий класс и «Русское Знамя»	214
	Бурный месяц	220
	Программа русских либералов	224
	За что бороться	232
A.	Н. Потресов	237
	Посвящается читателю-другу	238
K.	Н. Самойлова	241
	35 тысяч курьеров	242
И.	И. Скворцов-Степанов	243
	Первые заседания Государственной Думы	245
	К юзовской катастрофе	249
	Капитал и газеты	256
Л.	Д. Троцкий	261
	Зубатовцы в подпольной печати	262
	Мораль Лондонского съезда	265
	Таракан во шах	286
A.	И. Ульянова-Елизарова	293
	Искорки	294
C.	Г. Шаумян	300
	Русская революция и Закавказская власть	301
	Национализм на Кавказе и оголение фронта	304
	День рабочей печати	307
	Эволюционизм и революционизм в общественной науке	309
	Комментарии	316